

УДК 811.114

ЛЕКСИКОН МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (М.П. БУЛГАКОВА)

Харченко Вера Константиновна
 доктор филологических наук, профессор
 Белгородский государственный национальный
 исследовательский университет
 Белгород, Россия
wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация

Рассматривается проблема расширения индивидуального лексикона на примере богатейшего по составу лексикона выдающегося историографа русской церкви митрополита Макария (Булгакова). Выделяются группы слов и их аналогов, которые в научном стиле речи использованы митрополитом Макарием, разработчиком образцового стиля изложения, и аналоги которых могут пополнить копилку современного языка. Это наименования лиц, сложносоставные слова, выразительные метафоры и синтагмы, претендующие на устойчивое употребление. Как показало исследование, митрополит широко опирался на словообразовательную мощь русского языка, что придавало разнообразие излагаемому материалу и работало на пластику изложения.

Ключевые слова: лексикон, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), «История русской церкви», пластика стиля, коэффициент лексического разнообразия, сложные слова, наименования лица.

VOCABULARY OF METROPOLITAN MAKARIUS (BULGAKOV)

Kharchenko Vera
 Doctor of Philology, Professor
 Belgorod National Research University
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract

The article deals with linguistic characteristics of the exceptional individual vocabulary by Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna as a remarkable historiographer of Russian Church. Groups of words and their analogs are singled out, which can be supplemented in the lexicon of modern language. There are names of persons, compound words, expressive metaphors and sentences that can be treated as phraseological units. The analysis shows that Metropolitan efficiently use power of word-building of Russian language, and this method works on variety of styles.

Keywords: Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov), «The History of Russian Church», style, coefficient of lexical diversity, compound words, names of person.

Активизировавшееся особенно в последнее время такое направление в отечественной лингвистике, как исследование языковой личности [6, 8, 12], на наш взгляд, не затрагивает одного наиважнейшего прикладного аспекта. Это «снабжение» языковой личности интереснейшими языковыми средствами, в частности через реконструкцию целого ряда редких слов. Языковая архаика, факты словотворчества могли бы обогатить так называемую сокровищницу современного русского языка. «Так называемую» потому, что в идеале сокровищница только тогда и функционирует как сокровищница, когда пополняется не жаргонизмами и не вынужденными из-за технического отставания страны заимствованными терминами, а действительно достойными социума словами. Причём словами не только высокого регистра, но и нейтральными во имя должного многообразия выбора слова в процессе создания того или иного текста. Редкие слова систематизируются и фиксируются, например, в творчестве И.С. Тургенева [1], однако вне проекции их на возможное современное использование. К этой проблеме творчески подошёл А.И. Солженицын, составив известный словарь языкового расширения. «Тут подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение – а между тем почти целиком заброшенные.

Или частично применяемые, но которым грозит отмирание» [9, с. 4]. *Вынежил* деревцо, *твердозём*, *одноходный* путь (например, рельсовый), *яблоня-неплода*, *смехотвор*, *маловесный*, *человек-корень*, *размаза* (кто говорит неплотно), *новокупка*... «Солженицын пытается воскресить забытые слова, которые употреблялись раньше. Да, они красивы, выразительны, но у них сейчас нет места для возрождения: они относятся в основном к исчезнувшим ремёслам, к старинным обычаям. А мне кажется, задача должна быть не в том, чтобы воскрешать субстанции языка, а в том, чтобы оживлять его энергии: не конкретные слова, но энергию корня, способного к новым словообразованиям». Далее М.Н. Эпштейн указывает, что из 150 слов с корнем ЛЮБ- в языке осталось сорок, а из 30 некогда существовавших слов с корнем ЛЕП- осталось всего-навсего шесть. Отвечать на поток заимствований, считает учёный, нужно мощным рывком своего словообразования [14, с. 60]. Наша позиция здесь несколько иная. Мы должны быть ближе к истории русского языка, к прекрасным текстам прошлого, любить и цитировать их, и тогда сами контексты с достойными возвращением в социум, привлекательными словами как раз и помогут возвращению этих слов (контекст легче запомнить и использовать как готовый фрагмент, нежели использовать отдельное, тем паче забытое слово). В этом плане творческое наследие митрополита Макария (Булгакова) может представлять значительный интерес.

На основе анализа уникального по богатству индивидуального лексикона митрополита Макария (Булгакова) исследовать словообразовательные возможности потенциальных слов русского языка и контекстуальные выигрыши их употребления, выделив наиболее насыщенные группы индивидуально-авторских слов, заслуживающих лексикографического сбережения.

Что касается материала исследования, то мы применяем полидискурсивный подход, обращаясь не только к «мегатексту» двенадцатитомной «Истории русской церкви» [5], но и к документам (отчётам митрополита в Синод), проповедям, речам, письмам. Так, вместо привычного слова «некогда» в письме к брату митрополитом использовано слово: *недосужно*. Вместо традиционного глагола *постареть* употреблено *остареть*. Слово почерпнуто из отчёта митрополита Макария в Синод: *для остаревших священников*. Мена приставки дала возможность показать начальную степень старости. Методами исследования служили предваряющее эту публикацию исчисление коэффициента лексического разнообразия текста, побудившее провести уже не количественный, а «атомарный» качественный, то есть контекстуальный анализ используемых митрополитом лексем с элементами дефинитивного подхода при формулировке значений того или иного слова. Само соби́рание таких лексических изысков заставляет ещё более ощутить опирающуюся на солидный глоссарий пластику макариевского текста. Разумеется, нами высвечены и акцентированы далеко не все слова, использованные Макарием и могущие претендовать на новую, свежую жизнь в современном языке как средства коммуникации.

Количественный, квантитативный подсчет частотности всех (и знаменательных, и служебных) слов, проведённый нами ранее по достаточно объёмным фрагментам из «Истории русской церкви» [11, с. 96-104] обнаружил одну интереснейшую особенность макариевского стиля. При развёртывании изложения (подчеркнём, научного, историографического, где будто бы не до разнообразия и изысков!) процент одноразово, однократно употреблённых слов оставался весьма высоким, доходя иногда до половины употреблений, а при суммировании с двукратным употреблением, близок к уровню «золотого сечения» (67,6%). Подробнее [11, с. 96]. Это обстоятельство побудило обратиться непосредственно к составу индивидуального словаря и выделить те группы, которые наиболее ярко представлены в своих словообразовательных, словотворческих авторских «инициативах».

Были выделены три блока возможного пополнения лексикона. Во-первых, это наименования лиц. Во-вторых, абстрактные наименования. В-третьих, выразительные синтагмы, микроконтексты, могущие претендовать на реконструкцию. Мы не настаиваем именно на этих группах, но именно их представители чаще всего обращали на себя наше внимание. Первую весьма объёмную группу составили наименования лиц с подгруппами:

наименования по роду занятий: *казнодей, справщик, подстароста, постриженник*; наименования лиц по чертам характера, недостойному поведению: *ропотник, бесчинник, крамольник, своеволец, обличник, возражатель, помраченники*; наименования лиц по общности действий: *совместник, сопастырь, соумышленники, сослужбник, соправитель*; наименования лиц, отличающихся положительными чертами: *стоятель, книжник, читатель, фундатор, первосоветник, желатель* (добрых дел и любви), *благовестник*. Дополнительные наименования лица необходимы потому, что и в теоретической лингвистике, и при сборе диалектного материала, и при сопоставлении языков наименования лица слишком часто стали сводиться к прозвищному фонду. Укажем одну их характерных работ [7]. Прозвища заслоняют от языковеда другие типы наименований лица как весьма востребованной группы, почему здесь и должны быть запасники наименований различной, однако отнюдь не прозвищной, направленности.

Второй список образуют абстрактные имена существительные, образованные суффиксацией, сложением или сложносуффиксальным способом. *Богомыслие* – думы о Боге. ... Две тесные кельи, где предавалась богомыслию и уединённой молитве [ИРЦ (здесь и далее – История русской церкви). Кн. II: 316]. *Благоснисходительность* – добросердечное понимание, снисхождение. Из текста письма митрополиту Иннокентию 8 сентября 1843 г. ... И потому просил у своего бывшего руководителя «мудрой благоснисходительности к своему первому опыту, опыту студенческому – ученическому» [Титов. Т. 1: 86]. *Благочестие* – достоинство, позитивное восприятие своего долга. Подражать св. епископам в терпении, славословии Бога, подражать, например, Златоустому и другим великим иерархам – дело похвальное, но нужно подражать им и в благочестии, учительстве, долготерпении и примерной жизни [ИРЦ. Кн. VI: 421]. ... Многие вдовы и девицы поступали в монастырь, чтобы учиться у неё [Ефросинии. – В.Х.] благочестию... [ИРЦ. Кн. II: 313]. *Самовластие* – нежелание слушаться старших, советоваться с более опытными. ... Вступают в брак без соизволения родителей, самовластием жениха или невесты [ИРЦ. Кн. VI: 394]. См. также: *самоотчётливость* – ответственность за определения, оформление мысли. Из юношеского сочинения Михаила Булгакова: «Самоотчётливость, если не полная, то основанная на самосознании, соединённая с большею или меньшею самостоятельностью и независимостью от народных преданий и предрассудков, принадлежит каждому греческому философу».

Мы не случайно обращали внимание на двукорневые слова. Абстрактные существительные с одним корнем тоже не особо просты. И митрополит Макарий достаточно часто к ним прибегает. Рассмотрим, в чём заключается их прелесть и сложность. Как пишет автор монографии об абстрактных именах Л.О. Чернейко, абстрактное имя, во-первых [Нумерация наша. – В.Х.], мифологично «как мифологично всё, что не имеет опоры в эмпирической действительности...». Во-вторых, абстрактное имя диалогично. «В функционировании абстрактного имени проявляется психологический закон относительности. Семантический инвариант содержания абстрактного имени, определяющий его существование в коллективном сознании... намного меньше его варианта, производного от опыта конкретной личности и уровня её интеллекта...» Наконец, в-третьих, создание сложной идеи – процесс не рассудочный, а интуитивный, и только уже созданную идею рассудок может препарировать, раскладывать на составляющие [13, с. 264, 265, 61]. Получается, что синтез первичнее анализа, получается, что абстракции нужны нам интуитивно, поскольку они обслуживают нас как компактные, упакованные мифы. Вот почему (продолжим мысль!) имеет место постоянный голод по свежим абстракциям, и обновлённая модель, двукорневая структура таких слов этот голод как нельзя лучше и утоляет. Скажем более того: коль скоро в стилистике митрополита Макария мы зафиксировали обилие удвоенных эпитетов [11, с. 59–68], то сейчас обратили внимание на двукорневые абстрактные имена, которых в современном русском языке явно недостаточно.

Третью группу слов, обративших на себя внимание по мере знакомства с Историей русской церкви, образует более разнородный материал: здесь и слова, и устойчивые словосочетания, могущие также претендовать на включение в современную речь, поначалу в

режиме старинной экзотики, но впоследствии в режиме ожидаемого пополнения, насыщения, обогащения синонимических рядов. В этом третьем списке приставочные глаголы: *низринуть, встакить, подклониться, испросить, излентиться, ископать...*; сложные слова с начальными корнями НОВ- и МНОГ-: *новопереведённый, новоучреждённый, новотворимый, новоустроенный, новосозданный, новостроящийся, многознаменательный, многотрудный, многолетие, многоразличные, многоценное* имущество о своих *многоразличных* скорбях; потенциальные слова-синонимы к современным словам: *неплодная жена, предбудущий сейм; иные притворяются малоумными, а после оказываются целоумными; крайний, порубежный, сладительно мне*; потенциально устойчивые словосочетания: *как ни достопочтенно для нас ... имя; достойные признательной памяти; удручённый старостью; во всей крепости сил; печаловаться перед кем-либо о ком-либо; речь пошла в задор; принять под свою высокую державу, замять истину многословием; по своему умышлению, ветхий днями* (о старце).

Митрополит Макарий (Булгаков) не только владел фантастически богатым словарём, в чём мы, читая труды этого человека, постоянно убеждаемся и чем не можем не восхищаться, но и сам создавал, творил производные слова, масштабно используя словообразовательную мощь родного русского языка. И в этом словотворчестве не было налёта экстрима – настолько пластично вписывались производные эти слова в исторический контекст общего повествования: *в продолжение своего митрополитствования; ... устав, или выпись прав духовенства; когда кому-нибудь прилучится по делам побывать, иные притворяются малоумными, а после оказываются целоумными; не по правилам, а по своему умышлению; Мы видели у себя примеры отнюдь не меньшего варварства, кровожадности, бесчеловечия и в князьях, и в самом народе; ... На Святой неделе тотчас после обедни отведают и вечерю для своих пьянственных правов; по вопросу о перстосложении, заботился о благоустроении...* Как видим, среди таких производных немало сложных слов по структуре (*целоумные, благоустроение, первостоятель*), но отнюдь не по восприятию их со стороны адресатов книги.

Удивительная пластика стиля митрополита Макария (Булгакова) опирается не только на разнообразие «обычных», общеупотребительных слов, но и на мощный словообразовательный потенциал русского языка, что даёт возможность расширять синонимические ряды за счёт использования потенциальных слов.

Наибольший интерес на этом этапе анализа представили две группы. Это, прежде всего, наименования лиц по широкому кругу проекций: род занятий и особенности сиюминутного поведения, черты характера и приверженность к той или иной группировке.

Вторую группу составили «потенциальные» сложные слова, настолько пластично исполненные, что вполне могущие претендовать на вхождение в лексическую сокровищницу языка.

Не меньший интерес вызвали и некоторые метафоры и синтагмы из произведений митрополита Макария, также претендующие на расширение словарного пространства в русском языке.

Итак, наш интерес вызвали слова, выразительность которых может убедить и «заиграть», разумеется, при контекстном их освещении и которые могут претендовать на языковую реконструкцию. Хотя в этих словах сохраняется осязаемый налёт архаики, но согласимся: ни один язык не может претендовать на достойное функционирование без притока нововведений, но и без сбережения значительного процента архаичных форм и лексем. Это требование напоминает труднореализуемую установку взаимодействия человека и времени, когда идеальным считается умение пребывать и в настоящем, и в прошлом, и в будущем. Цитируя «Исповедь» Августина, С.В. Девяткин пишет: ... Вечность – это *одновременность* трёх временных состояний, не последовательность, а одновременность прошлого, настоящего и будущего. Вечность также заключена внутри нас, это нескончаемая жизнь, это некое переживание, когда ясность сознания такова, что цепь переживаний дана целиком... *Nuns stans* – «вечное теперь». Задача перехода в вечность в

таком случае требует изменить восприятие мира, развить память, внимание и ожидание – воображение до максимально доступной индивиду степени, до степени совершенства [3, с. 30]. Приведём ещё два высказывания, как настоящему способны помочь ценности будущего и прошлого. «В качестве «провиденциального регулятора» личной и общенародной истории, обоснования осмысленности существования как «бытия-к-жизни» выступают **ценности завтрашнего дня** [выделено автором. – В.Х.] ... Эти ценности живут в «памяти о будущем». Радостное житнетворчество возможно лишь при условии, что воображение не ограничено прошлым и настоящим» [2, с. 209]. В своём дневнике историк Василий Ключевский пишет: «В душе человеческой есть дивное спасительное свойство реакционной экспансивности. Достигнув высшей степени напряжения, сузившись до крайности и здесь натолкнувшись на препятствие, не пускающее дальше, душа необъятно расширяется в прошедшее. Житейский толчок способен был бы привести в отчаяние, если бы эта расширяемость в прошедшее не являлась на помощь. ... Так всякий раз, когда останавливается движение жизни в будущее, является возможность вновь пережить прожитое, но пережить в другой, идеальной реакции... (6 ноября 1868 г.) [4, с. 11].

В перспективе, полагаем и прогнозируем, могут быть созданы Словари языка выдающихся деятелей церкви, как создаются сейчас словари языка известных писателей. Но это уже задача будущего.

Литература

1. Бахвалова Т.В. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тургенева. – Орёл: Изд-во «Полиграфическая фирма Картуш», 2007. – 179 с.
2. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 221 с.
3. Девяткин С.В. Время и вечность в «метафизике света» // Человек – сам себе непонятный: Сборник статей. – Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1997. – С. 29-34.
4. Ключевский В.О. «Жить – значит быть любимым»: Из дневников и записных книжек // Семья. 1989. № 21. – С. 11.
5. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 книгах. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994-1995.
6. Нестерова О.А. Психолингвистические и лингвокогнитивный анализ языковой личности (на примере публицистического дискурса В.П. Астафьева). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Нижний Новгород, 2015. – 24 с.
7. Потапова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. – Ярославль: МУБ и НТ, 2003. – 276 с.
8. Романова М.С. А. Тарковский как языковая личность: способы репрезентации в поэтическом тексте. Дис. ...канд. филол.наук. Пятигорск, 2015. – 171 с.
9. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
10. Титов Федор. Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова). М. – село Белянка, 2015. Т. 1. – 459 с.
11. Харченко В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля. – Белгород: Белгородская областная типография, 2017. – 224 с.
12. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова. Дис. ...канд.филол.наук. – М., 2014. – 255 с.
13. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени Изд. 2. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.
14. Эпштейн М.Н. Мысль в сослагательном наклонении // Знание – сила. 2010. № 7. – С. 57-64.

References

1. Bakhvalova T.V. 500 words from “Zahiski okhotnica” by I.S. Turgenev. – Oryol: Poligraphicheskaya phirma Kartush, 2007. – 179 p.
2. Volkov V.V. Philology in system of modern humanitarian knouledge. – Tver: Izdatel Condratyev A.N. 2013. – 221 p.
3. Devyatkin S.V. Time and eternitu in “metaphysic of light” // The man Novgorod: NovGU imeni Yaroslava Mudrogo, 1997. – pp. 29-34.
4. Klyuchevskiy V.O. “To live well then be loving”: From diary and note-books // Family, 1989. № 21. – P. 11.
5. Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov). The History of Russian Church: in 7 books. – M.: Izdatelstvo Svyato-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasturya, 1994-1995.
6. Nesterova O.A. Psycholinguistics and lingvocognitivistics analyze of language personality (on material of publicities discourse by V.P. Astaphiev) // Cand. philol. sci. thesis diss. – Nizhniy Novgorod, 2015. – P. 24.

7. Potapova S.Iy. *Names of person in everyday discourses*. – Jaroslavl: MUB INT, 2003. – P. 276.
8. Romanova M.S. A. Tarkovskiy as language personality: methods of representation in poetics text: Cand. philol sci.dis. – Pyatigorsk, 2015. – P. 17.
9. Solzhenitzin A.I. Russian vocabulary of language widening. – M.: Nauka, 1990. – P. 272.
10. Titov F. Material for biography of Metropolitan Makarius (Bulgakov) M. – selo Belyanka, 2015. T. 1. – P. 459.
11. Kharchenko V.K. Metropolitan Makarius (Bulgakov): plasticity of language and style. – Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipographia, 2017. – P. 224.
12. Khlupina M.A. Specifically of language personality S.D. Dovlatov: Cand. philol. sci.dis. – M., 2014. – P. 255.
13. Cherneyko L.O. Lingvophilosophical analyze of abstract name. Izd. 2. – M.: Knizhnyy dom LIBROCOM, 2010. – P. 272.
14. Epshteyn M.N. Reflection in subjunctive mood // Znanie – sila. 2010. № 7. – pp. 57-64.

УДК 811'11

ПРОБЛЕМЫ СИНОНИМИИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Щербинина Елена Михайловна

ассистент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Белгород, Россия

Shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Бондарева Марина Михайловна

ассистент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Белгород, Россия

marina_bondareva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается терминологическая синонимия в сфере переработки сельскохозяйственной продукции на материале немецкого и русского языков. Определяется понятие синонимия, и анализируются пути её возникновения в терминологической сфере. Изучается учет экстралингвистических факторов, влияющих на увеличение количества терминов-синонимов. Анализируется понятие синоним. Выделяются синонимические ряды среди тематических групп терминологической выборки. Приводится семантический анализ одной из синонимических групп для подтверждения факта нахождения лексических единиц в рамках данного синонимического ряда.

Ключевые слова: синоним, синонимия, экстралингвистические факторы, терминология, семантический анализ.

THE PROBLEM OF SYNONYMY IN AGRICUTURAL LEXICOGRAPHICAL TERMINOLOGY

Shcherbinina Elena

Assistant Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

Shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Bondareva Marina

Assistant Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

marina_bondareva@mail.ru

Abstract

The article deals with synonymy in agricultural terminology of meat processing in modern language studies. Terms, origins of synonymy in agricultural terminology are discussed. Different rows of synonyms due to their semantic were marked out, compared and analyzed. The semantic analysis within a synonymic group is carrying out to prove the fact of its semantic identity.

Key words: synonym, synonymy, non-linguistic factors, terminology, semantic analysis.

Терминология в определенной сфере является предметом изучения многих исследователей в последнее время. Термин отличается от общеупотребительной лексики или любого другого вида номинаций тем, что является связанным с определенными научными концепциями. Следовательно, термины всегда подвержены влиянию определенной сферы знаний, что определяет их однозначную принадлежность к определенному узусу.